

Прокофьев
Сергей Сергеевич
Колл.
1984

Сов. Россия, 1984, 8 авг., № 182

БЕСЕДЫ О ПРЕКРАСНОМ

Геннадий Рождественский

ВОСПОМИНАНИЯ

Мои учителя

Народный артист СССР, лауреат Ленинской премии профессор Геннадий Николаевич Рождественский впервые стал за дирижерский пульт еще студентом Московской консерватории. Он был зачислен стажером в Большой театр СССР и тогда же впервые выступил с концертами за рубежом. Ныне Рождественский известен как один из выдающихся дирижеров: почетный академик Шведской и Английской королевских академий музыки, кавалер болгарского ордена Кирилла и Мефодия I степени, лауреат нескольких международных премий на конкурсах грамзаписи. В его «послужном списке» 250 дисков с записью примерно 400 произведений, а всего в его репертуаре свыше полутысячи (!) сочинений. Среди них несколько сотен исполненных впервые.

Многогранная музыкальная одаренность Рождественского раскрывается не только в сфере дирижирования. Он появляется на концертной эстраде и как пианист. Им написаны две оригинальные книги. Наконец уже много лет перед началом своих концертов он обращается к слушателям со вступительным словом, рассказывая, размышляя, вспоминая. Остроумие и блеск изложения, энциклопедическая эрудиция, свежест мышления, непередаваемый (на бумаге) артистизм отличают эти выступления, в которых многозначительная пауза, мимика или внезапный жест придают слову особый смысл.

И здесь Рождественский остается первооткрывателем, просветителем, художником, целью которого — узнать, понять, поделить с людьми. Сегодняшней публикацией газета открывает цикл рассказов Геннадия Рождественского о музыке и музыкантах.

Манашир ЯКУБОВ.

Мясковский

В Большом зале Московской консерватории, в двадцатом ряду, на крайнем месте от прохода слева, в течение нескольких десятилетий почти на всех концертах можно было видеть красивого человека, мгновенно привлекавшего внимание выражением лица, глубиной и проникновенностью доброго взгляда, какой-то особой сосредоточенностью. Человек этот прослушал здесь огромное количество самых разных произведений, включая и свои собственные. Он приходил в этот прекрасный зал из небольшого арбатского переулка Сивцев Вражек, где жил. Он шел по Гоголевскому бульвару, погруженный в свои думы, часто снимая шляпу — отвечал на приветствия знавших его людей...

Имя этого человека — Николай Яковлевич Мясковский. «Художественная совесть нашей музыки» — так называли его не только многочисленные ученики, но и его сверстники, его современники. Сила и масштаб таланта, значительность творческих усилий, редкая музыкальная эрудиция, постоянная готовность прийти на помощь каждому своим советом снискали ему авторитет наставника и главы московской композиторской школы. Возможно, при жизни композитора личность Мясковского, несмотря на очевидное общественное признание, не была по достоинству оценена, что позволило Д. Д. Шостаковичу сказать: «Значение Мясковского в истории советской музыки еще ожидает своей настоящей оценки...». А она может родиться и утвердиться в сознании только при более близком знакомстве с огромным творческим наследием Николая Яковлевича. Достаточно вспомнить, что им создано 27 симфоний — беспрецедентный в истории русской музыки цикл, своеобразная хроника жизни, охватывающая период с 1908 по 1950 год. Я пользуюсь понятием «хроника», потому что, помимо отражения личных переживаний, симфонии Мясковского отражали и значительные события в жизни общества. Так, его Двенадцатая симфония посвящена 15-летию Октябрьской революции, Восемнадцатая — 20-летию революции, а Девятнадцатая — юбилею Красной Армии...

Трудно переоценить деятельность Мясковского-педагога. Из его класса в Московской консерватории вышли такие мастера, как Кабалевский, Хачатурян, Шебакин, Голубев, Пейко, Старокадомский, Половинкин, Мосолов. Мясковский создал целую композиторскую школу, ценность которой заключается в богатом собрании индивидуальных, перенявших от своего учителя не чисто внешние приемы письма, не его интонацию, а его культуру, в свою очередь взросшую на благодатной почве русской музыки девятнадцатого столетия.

Даже не зная фактов из биографии Мясковского, при слушании его музыки можно безошибочно сказать, кто учил его — Римский-Корсаков, Лядов, Глазунов. И это особенно отчетливо слышно в его Пятой симфонии, сочиненной в 1918 году, вскоре после возвращения с фронтов первой мировой войны. В связи с этим произведением не могу не сказать об одном весьма примечательном явлении — творческой дружбе Мясковского и Прокофьева. Помимо тесных личных связей, начавшихся на консерваторской скамье, этих двух громадных и притом абсолютно разных художников связывала настоящая потребность в критике друг друга. Обширнейшая переписка Мясковского с Прокофьевым (более 450 писем) — не что иное, как страстная, порой недвусмысленная полемика о собственных сочинениях. Вот что писал Прокофьев Мясковскому по поводу его Пятой симфонии в 1923 году: «Мне очень жаль, что приходится давать дирижеру Кусевицкому Вашу Пятую симфонию. Уж очень она примитивна и немного вульгарна. Я не только не в восторге от нее, но от многого просто в ужасе... Должен ли я извиниться за это письмо? Мне кажется — нет. Ибо мною руководит не столько горячая любовь к Вам, но и такая же вера в Вас, и я не хочу думать, чтобы Вы могли понять меня как-нибудь иначе».

По-моему, это совершенно поразительные строки, образец, если не «инструкция по взаимоотношениям» между коллегами-композиторами! В высказываниях Прокофьева есть много спорного, но не в этом суть дела. Что же ответил ему Мясковский? «Вся Ваша ругань по адресу моей Пятой симфонии меня не обидела и не взволновала. Вы совершенно правы, в ней бездна Глазунова, в ней бездна плоских звучностей и вообще она для меня не представляет ничего объективно ценного, а первая тема финала даже просто отвратительна...» И это пишется об одной из лучших симфоний Мясковского, об одной из значительных симфоний нашего времени!

Чтобы немножко развлечь вас, я процитирую отрывок из другого письма Прокофьева, также имеющего важное отношение к этому произведению. Письмо это было послано из Англии: «Дирижер Николай Малько сыграл в Ливерпуле Вашу Пятую симфонию... В этот же вечер шла сюита из оперы Шостаковича «Нос», что дало повод одной газетке ошибиться следующим образом. «Вчера в концерте... пишет рецензент... исполнен «Нос» Мясковского, музыка Шостаковича!»...

К Шостаковичу, кстати сказать, Мясковский относился с исключительным пиететом. 22 декабря 1936 года, прослушав Четвертую симфонию Шостаковича в переводе для двух ролей в доме своего друга Павла Александровича Ламма, Мясковский записал в дневнике: «Восмиручие у Ламма. Играли Четвертую симфонию Шостаковича — сочинение изумительное... Новый мир... Поразительное чувство меры и колоссальное дыхание...»

Как я уже сказал, Николай Яковлевич всегда сидел в Большом зале в двадцатом ряду. Он говорил, что ему здесь не мешают дирижеры и если уж очень плохо играют, можно тихо уйти незамеченным, чтобы не обидеть исполнителей. Мясковский часто бывал разочарован исполнением своих сочинений, несмотря на то, что среди исполнителей его симфо-

ний были такие дирижеры, как Сараджев, Голованов, Коутс, Стоковский, Сенкар... Одно время он даже хотел брать уроки дирижирования, но природная застенчивость помешала ему овладеть этой «нахальной» профессией. Прокофьев же, узнав о намерении Мясковского, написал ему: «Ваши дирижерские замыслы необходимо привести в исполнение. Ведь в сущности страшен только первый шаг. И Рахманинов, и Стравинский при своих дирижерских дебошах сели в губочайшие калоши, что, однако, не помешало им сделаться отличными исполнителями своих вещей... Ваша скромная задача, дорогой Николай Яковлевич, для первого раза — это постараться как можно уменьшить глубину этой калоши...»

Итак, в этот зал на протяжении нескольких десятилетий приходил красивый человек, мгновенно привлекавший внимание выражением лица, глубиной и проникновенностью доброго взгляда...

Прокофьев

Мое знакомство с симфониями Прокофьева началось еще в стенах Консерватории, в конце 40-х годов. Я прекрасно помню первые исполнения Шестой симфонии Мравинским и Седьмой — Самосудом, помню присутствовавшего на этих премьерах автора...

Над Пятой симфонией Сергей Сергеевич Прокофьев работал летом 1944 года в Ивановском Доме творчества композиторов. «Из окон моей рабочей комнаты», — вспоминал он, — открывался вид на просторные поля, густые хвойные леса, и это располагало к сосредоточенной работе. К моменту начала сочинения симфонии в моих музыкальных записных книжках накопилась значительная доля тематического материала для всех четырех частей... Работал я напряженно, а в перерывах любил навещать красивые ивановские леса...

26 августа в Иванове Прокофьев играет на рояле свою новую симфонию коллегам-композиторам. В этом произведении он суммирует, обобщает в форме музыкальной саги пережитые нашим народом страшные военные годы, повествует о тяжелейшем пути, пройденном народом и приведшем через страдания и лишения к долгожданной победе над гитлеровским фашизмом. Премьера Пятой симфонии состоялась в Москве, в Большом зале Московской консерватории, 13 января 1945 года.

Я прекрасно помню тот концерт. В первом отделении мой отец, Николай Павлович Аносов, дирижировал Классической симфонией и сказкой «Петя и Волк», а во втором — за дирижерский пульт встал Сергей Сергеевич. Однако начать дирижировать он не смог — раздался гром артиллерийского салюта, возвестившего об очередной победе Советской Армии при форсировании Вислы... Присутствовавший в этот вечер в зале Святослав Теофилович Рихтер вспоминает: «...он ждал, и пока пушки не умолкли, он не начинал дирижировать. Что-то было в этом очень значительное, символическое. Пришел какой-то общий для всех рубеж... и для Прокофьева тоже. Пятая симфония передает его полную внутреннюю зрелость и его взгляд назад. Он оглядывается с высоты на свою жизнь и на все, что было. В этом есть что-то олимпийское... В Пятой симфонии он встает во всю величину своего гения. Вместе с тем — там время и история, война, патриотизм, победа...»

Мне довелось дирижировать Пятую симфонию очень много и с разными оркестрами — в Москве, Берлине, Лондоне, Токио, Белграде, Филадельфии, Париже, Хельсинки. Записана она Большим симфоническим оркестром Всесоюзного радио и телевидения под моим управлением в 1965 году. Вероятно, кое-что я играл бы сейчас иначе...

Когда произносятся слова «Шестая симфония», моментально возникает ассоциация с Шестой симфонией Чайковского, в независимости от того, кто ее автор. Мы знаем много превосходных «Шестых симфоний», написанных после Чайковского — Глазуновым, Мясковским, Шостаковичем, Прокофьевым. Иногда по воле автора, а иногда и совершенно подсознательно в каждой из них, — ибо не мог композитор, начавший ее писать, не вспомнить о сочинении Чайковского, — наличествует элемент трагедии. Естественно и стремление композиторов не создавать новую «Шестую», а следовательно, они подчеркнуто стремились уйти от круга образов и эмоций, заложенных в симфонии Чайковского. Вероятно, именно поэтому финалы «Шестых симфоний» Прокофьева и Шостаковича быстрые — в отличие от томиately медленного финала Чайковского. Сочинять «Шестую симфонию» не менее трудно, чем «Девятую», поскольку «Шесть» и «Девять» после Чайковского и Бетховена перестали быть номерами-цифрами, а стали понятиями настолько емкими, что многие авторы предпочли бы после 5-й симфонии начать сочинять 7-ю, а после 8-й — 10-ю!

Тем не менее Прокофьеву удалось написать отличное сочинение, в чем-то продолжающее линию Пятой симфонии. И это естественно — обе они сочинялись параллельно, начало работы над ними относится к 1944 году. В Шестой симфонии, может быть, еще острее, чем в Пятой, звучит трагическая нота — как бы отзвук военных лет. Первая ее часть кажется мне очень и очень «мясковской» — и эмоционально, и интонационно, а вторую часть я воспринимаю как музыкальную аналогию русскому архитектурному барокко — это для меня смоленский Успенский собор...

Дирижировал я Шестую симфонию Прокофьева всего четыре раза, в одном городе — Кливленде. Прославленный Кливлендский оркестр, созданный, кстати, в начале века нашим соотечественником — дирижером Николаем Соколовым, никогда ранее ее не играл. Тем более мне было приятно познакомиться с музыкантами оркестра, а вместе с ними и публику с этим прекрасным сочинением. Записана Шестая симфония была в 1965 году Большим симфоническим оркестром Всесоюзного радио и телевидения под моим управлением.